

Глава 1

Провинция Лю. Цветущий край под ласковым солнцем, окруженный зелеными холмами, над которыми раскинулась радуга — словно мост в небесное царство.

Величественный дворец правителя. Золотые драконы на красных знаменах извиваются, будто живые, и поддразнивают друг друга длинными языками. Цепь гор, и еще одна... а над ними — высокое небо.

Ли Юй (X век)

— Открывайте ворота! Живо!

Что это за пышная процессия движется к губернаторскому дворцу? На главную дорогу высыпал народ — работяги-простолюдины, которые в мгновение ока готовы бросить все дела, чтобы поглазеть и посплетничать.

— Кто это? Что за шикарный экипаж в сопровождении такой оравы стражи и служанок?

— Ого! Ну и зрелище!

— А её за занавесками видно?

— Похоже, одна из императорских наложниц приехала навестить родню!

— Да ты что!

Красная двухколесная повозка с позолоченной изогнутой крышей ехала в кольце гвардейцев в имперской броне. Следом, с грацией белых лилий, парами шли восемь юных дев редкой красоты, спрятав руки в широкие рукава бледных розовых ханьфу. Казалось, дорожная пыль даже не смеет коснуться их подолов.

Какая роскошь на улицах столицы захолустной провинции, давно впавшей в немилость! Девушка в повозке принесла честь своей родине в эти непростые времена. Избранница Его Императорского Величества была скрыта золотыми шторами, но утренний бриз игриво приоткрывал их, являя возбужденной толпе то волну темно-каштановых волос, то божественный бледный профиль.

— А-ах! Это же супруга Лю, дочь князя Аньлэ!

— Как силен был её род при прошлой династии, и как жестоко они проиграли, оставшись верными прежнему императору!

— Да уж, о верности... Генерал Лю встречался с нынешним молодым императором только на поле боя — и по разные стороны баррикад.

— Великая удача, что Его Величество не отрубил им всем головы, когда сокрушил старого тирана, а лишь лишил постов... да отобрал у князя Аньлэ титул...

— Слава нашему милостивому Императору! Сердце — золото, душа — нефрит!

— Какая честь! Он взял младшую дочь семьи Лю в свой гарем.

— Немудрено! Такая красавица!

— Дайте взглянуть!

— Ой, какие губки, ровно лепестки роз!

— А вы слышали? Говорят, её брат еще очаровательнее сестры!

— Очаровательнее? Да ну!

— Да-да, они близнецы. Лицо Лю Чэнфэна заставляло солнце прятаться в тучах от зависти. Тысячи новых звезд зажигались на небе каждый раз, когда он открывал глаза! А какой одаренный, романтичный юноша!

— Говорят, он умер от какой-то ужасной болезни еще до того, как император взошел на трон.

— Ну, может, оно и к лучшему — император бы его не пощадил. Лю Чэнфэн не раз вел войска против него, они были заклятыми врагами.

Пока повозка наложницы Лю с помпой катилась по столичным улицам, её очаровательный брат, генерал Лю Чэнфэн — вопреки слухам — вовсе не гнил в могиле или в канаве после забытого сражения. Его кости не палило солнце, не обмывали дожди, и зимородки не садились отдыхать на его сломанные ребра.

— Молодой господин! Сяо-Сяо — не просто девка! Она дарит мужчинам вдохновение, а не плотские утехы!

«Вдохновение, а не утехы», — повторил про себя Лю Чэнфэн, пытаясь осознать концепцию. Учитывая, что осознавать её приходилось в борделе, где и шел разговор.

Как это вообще может быть разными вещами?!

— Сяо-Сяо уступит вашей страсти только в том случае, если сама того пожелает.

— Пожелает, еще как пожелает, — заверил толстую матушку-содержательницу тот самый «романтичный и одаренный» юноша. — Еще не родилась в этом мире девушка, которую я не смог бы уговорить.

— Третий сын князя Нина так её жаждал, но она ему даже дверь не открыла... а вот и он!.. Как такой благородный человек может так терять лицо на глазах у всех?!

С лестницы с ревом и ругательствами скатился пухлый, как пельмень, третий отпрыск знатного семейства Нин.

— Куртизанка! Ведет себя так, будто она императорская родственница! — пыхтел он.

— Ц-ц-ц, сколько шума от этого невоспитанного юнца, — неодобрительно цокнул языком Лю Чэнфэн. — Таких людей просто нельзя пускать в приличные заведения!.. Да и в неприличные тоже, — любезно добавил он для матушки, вспомнив, где находится.

Лю Чэнфэн бросил золотую монету на стол хозяйки. В его зеленоватых глазах зажглись огоньки... не столько эротического желания, сколько, скорее, азарта. Генерал был стратегом от рождения.

В комнате Сяо-Сяо стояла дымка благовоний, пахло фруктами и зеленым чаем. Девушка, обладавшая достаточным вкусом, чтобы создать такую изысканную атмосферу, сидела за полупрозрачной занавеской, перед ней на подставке покоился гуцинь.

Это была первая встреча Лю Чэнфэна и Сяо-Сяо.

«Брынь... брынь...» — пели струны. Молодой человек пристроился на подушке у низкого столика.

— Господин... Господин, я закончила. Не будете ли вы так любезны прокомментировать мое искусство?

— Хр-р-р...

— Господин!

Громкий вскрик Сяо-Сяо пробудил Лю Чэнфэна.

«Черт, — подумал он, — мало того, что я попал на концерт Бетховена вместо того, чтобы побыстрому развлечься, так меня еще заставляют заниматься музыкальной критикой».

— Сударь, пожалуйста, оцените мое мастерство владения инструментом.

— Буду рад оценить ваше владение инструментом, — самым искренним голосом отозвался Лю Чэнфэн.

(Сяо-Сяо с вниманием на лице): — ...?

— Э-э... очень красиво... успокаивает, — похвалил он, гадая, что бы еще добавить. — Если

честно, я слышал только самое начало и конец, потому что в середине вырубился. Мой косяк.

(Сяо-Сяо, сердито): — Раз так, мы определенно не созданы друг для друга! Проваливайте, откуда пришли.

Как любая куртизанка, она считала себя выше своей профессии. Недоученная музыкалка и пара прочитанных по слогам любовных романов, по её мнению, делали Сяо-Сяо особенной натурой с тонкой душой и талантом, которого достоин не каждый. По мнению же Лю Чэнфэна, именно эти амбиции делали её уязвимой. На его красивых губах заиграла тонкая усмешка.

(Лю Чэнфэн, доверительно): — Я услышал достаточно, чтобы понять: у вас проблемы с песней Гуаньлин.

— О, вы знаете мелодию Гуаньлин! — восхитилась девушка.

— Какое совпадение! — поддержал её восторг юноша.

«Мы — родственные души», — подумала Сяо-Сяо.

«Тупая овца», — подумал Лю Чэнфэн.

Ему было искренне весело.

---

*Древняя мелодия Гуаньлин — одна из десяти самых знаменитых музыкальных пьес Китая.

(Сяо-Сяо, снова выглядывая из-за занавески): — А вы непростой человек! Скорее скажите, в чем моя ошибка.

— Вы переврали финал, начав с ноты «юй». Ваше исполнение, конечно, брызжет оригинальностью, но мелодия, к моему глубокому сожалению, потеряла связь с аналогом... с аналогом! Вот! — не моргнув глазом, выдал Лю Чэнфэн вместо того, чтобы прямо сказать: «Вам медведь на ухо наступил».

(Сяо-Сяо, не успевая за полетом мысли музыкального знатока): — И что же мне делать?

(«Сказать бы тебе, да пока воздержусь».)

С искренним видом, поддерживая видимость беседы двух коллег-музыкантов, юноша посоветовал:

— Попробуйте наложить ноты «цзюэ» и «шан» и растянуть их, сохраняя основную канву. Уверен, это будет звучать приятно и в полной гармонии с вашими несомненными гениа... «гением», то есть... да, именно им.

Овечка снова уселась за гуцинь и возобновила свои упражнения.

(Сяо-Сяо): — Как красиво звучит!

«Еще бы не красиво! — подумал Лю Чэнфэн. — Это называется "играть по нотам"».

(Сяо-Сяо): — Спасибо за наставление.

Она выглядела смущенной и робкой, лицо залил нежный румянец — и для Лю Чэнфэна её музыкальные таланты внезапно отошли на второй план.

(Лю Чэнфэн, скромно): — Так уж вышло, что я немного изучал музыку.

(Сяо-Сяо, кладя руку на плечо юноши): — Тогда...

Она наклонилась очень низко и вопросительно заглянула ему в лицо, коснувшись щекой его длинных каштановых волос. Лю Чэнфэн поднял руку, чтобы ласково накрыть ладонь девушки, лежавшую на его широком плече.

(Сяо-Сяо): — ...я хочу, чтобы мы сыграли в шахматы.

«Что?! Твою мать!»

Сяо-Сяо уже расставляла фигуры на доске. Лю Чэнфэн оценил ситуацию. Он накрыл хрупкую руку девушки своей элегантной, но сильной ладонью, останавливая её.

(Лю Чэнфэн): — Шахматы после музыки? А что потом? Стихи и рисование? Неужели мы настолько старомодны?

---

* Четыре искусства, которыми должен владеть культурный человек.

Движения молодого господина Лю стали кошачьими, на губах заиграла нежная улыбка, а в глазах засияли те самые звезды, о которых судачила толпа. Уверенным жестом он взял девушку за подбородок и повернул её лицо к себе. Он приблизился, его зеленые глаза заглянули Сяо-Сяо в самую душу — и она больше не сопротивлялась.

(Лю Чэнфэн, интимно): — Думаю, нам с тобой не нужно ничего друг другу доказывать...

(Сяо-Сяо, шепотом): — Я искала духовные сокровища...

(Лю Чэнфэн, уже шаря у неё в лифе): — А я их уже нашел...

(Сяо-Сяо): — ...в родственной душе...

(Лю Чэнфэн): — Ну конечно, где же еще...

(Сяо-Сяо, замороженно): — Как твое имя?

(Лю Чэнфэн, обжигая её лицо дыханием): — Меня зовут... Лю...

(Дверь распахивается с грохотом): — Бах!

(Слуга, вбегая): — Молодой господин!

Молодой господин как раз укладывал Сяо-Сяо на кровать, нежно глядя ей в глаза. Мягкие каштановые волосы волнами рассыпались по плечам. Одна рука придерживала девушку за задницу, другая покоилась на обнаженном плече и продолжала скользить ниже, снимая одежду. Сяо-Сяо была совсем не против, дама была готова.

(Слуга): — Ой... (покраснел, но не ушел) Э-э... молодой господин. Императорская наложница вернулась домой.

(Лю Чэнфэн, выпуская из рук плечо и задницу проститутки): — Что?!

(Сяо-Сяо, шлепнувшись мимо кровати): — ...

(Лю Чэнфэн, с идиотской радостью на лице): — Сестренка вернулась!

(Сяо-Сяо, застряв между кроватью и тумбочкой): — Молодой... молодой господин...

<http://bllate.org/book/15798/1438177>